

Н. Н. ЦВЕТАЕВА

СЦЕНАРИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ЖЕНЩИН: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В статье представлены результаты качественного исследования автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, которые характеризуют эволюцию ценностных ориентаций в сфере семьи и брака. На основе характеристик, которыми женщины этих поколенческих когорт описывают в нарративах свой опыт семейных и гендерных отношений, автор выделяет четыре типичных сценария их семейной жизни и анализирует специфические характеристики этих сценариев. В статье обсуждаются следующие вопросы: устойчивость традиционных норм и ценностей в семейных и гендерных отношениях, противоречивое сочетание традиционных норм и ценностей с эгалитарными установками советской модернизации, а также наиболее значимые изменения, которые происходят в семейных и гендерных отношениях в постсоветское время. На основе анализа выделенных сценариев семейной жизни женщин автор делает выводы как о преемственности традиционных норм и ценностей, так и о произошедших в постсоветское время изменениях в этой сфере. Наиболее значимые изменения — это усиление прагматизма и индивидуализма в сценариях семейной жизни молодых женщин. Автор интерпретирует эти изменения как одну из определяющих тенденций демографической модернизации — усиливающуюся тенденцию индивидуализации частной жизни современного человека. Результаты проведенного исследования дают возможность расширить представление об эволюции ценностных ориентаций в сфере семьи и брака, показывая как универсальность изменений в этой сфере, их встроенность в глобальный процесс демографической и социокультурной модернизации, так и особенности этого процесса в российском контексте.

Ключевые слова: качественное исследование, автобиографические нарративы, сценарии семейной жизни женщин, семейные и гендерные отношения, эволюция ценностных ориентаций

TSVETAeva NINA N.

SCENARIOS OF FAMILY LIFE IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES: EVOLUTION OF VALUE ORIENTATIONS

The article presents the results of a qualitative study of the autobiographical narratives of women of two generations that characterize the evolution of value orientations in the sphere of family and marriage. Based on the characteristics that women of these generations describe in their narratives their experience of family and gender relations, the author identifies four typical scenarios of their family life and analyzes the specific characteristics of these scenarios. The following issues are discussed in the article: the sustainability of traditional norms and values in family and gender relations, the contradictory combination of traditional norms and values with the egalitarian attitudes of Soviet modernization, as well as the most significant changes that occur in family and gender relations in the post-Soviet period. Based on the analysis of the identified scenarios of women's family life, the author draws conclusions both about the continuity of traditional norms and values, and about the changes that took place in the post-Soviet period. The most significant changes are the strengthening of pragmatism and individualism in the scenarios of the family life of young women. The author interprets these changes as one of the defining trends of demographic modernization, as an intensifying trend to individualize the private life of modern man. The results of the study provide an opportunity to expand the understanding of the evolution of value orientations in the sphere of family and marriage, showing both the universality of changes in this sphere, their integration into the global process of demographic and sociocultural modernization, and the features of this process in the Russian context.

Keywords: qualitative research, autobiographical narratives, scenarios of women's family life, family and gender relations, evolution of value orientations

Введение

В методологии качественного социологического исследования автобиографические нарративы рассматриваются сегодня как социальная конструкция и коммуникативная стратегия, отражающая многогранные связи между культурой общества и индивидуальным сознанием. Анализ таких нарративов дает возможность характеризовать культурно-историческую специфику локальных форм существования ценностных основ социальной жизни, динамику и особенности социальных представлений и ценностных ориентаций людей на уровне повседневности, тем самым расширяя горизонт видения и понимания происходящих в обществе социально-культурных изменений (Семенова

1998; Голофаст 2000; Майкл Рустин 2002; Козлова 2004; Готтлиб 2004; Рождественская 2012).

В этой статье представлены результаты качественного исследования автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, которые характеризуют эволюцию ценностных ориентаций в сфере семьи, брака и родительства. Исследование проводилось на материале автобиографических нарративов Биографического фонда Социологического института — филиала ФНИСЦ РАН¹. В исследовании использовался поколенческий подход, который дает возможности рассмотреть происходящие в ценностном сознании общества изменения через призму внутри- и межпоколенческой дифференциации. Из материалов фонда в типологическую выборку были включены автобиографические нарративы женщин двух поколенческих когорт². Формативный период жизни женщин старшей когорты (тех, которым за 50) пришелся на советское время, а формативный период жизни женщин более молодой когорты (тех, кому 20–30 лет) — на время реформ при переходе к рыночной экономике³. Предполагалось, что нарративы женщин этих поколенческих когорт в определенной мере репрезентируют характеристики семейного опыта и ценностных представлений о семейных и гендерных отношениях двух принципиально разных эпох в жизни российского общества и позволят увидеть, как меняются эти представления в постсоветское время⁴.

¹ Биографический фонд был создан в Социологическом институте РАН в 1989 г. (сейчас Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского центра РАН). В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Собрание фонда постоянно пополняется, и сегодня фонд насчитывает более 800 единиц хранения.

² При устойчивости на протяжении долгого времени мужской роли *кормильца* в семье женская роль в больше мере и чаще подвергалась пересмотру как в советское, так и в постсоветское время. Таким образом, женщины предстают своего рода медиаторами изменений, происходящих в сфере семьи и брака, и их нарративы дают возможность увидеть не только структуру наличествующих в обществе ценностных представлений о семейных и гендерных отношениях, но и весь комплекс проблем, которые несут эти изменения.

³ Для концептуального обоснования отбора автобиографических нарративов женщин этих поколенческих когорт использовались понятия «эффект времени» и «формативный период», разработанные в социологии поколений (Семенова 2009: 17–24).

⁴ В типологическую выборку было включено по 20 автобиографических нарративов женщин каждой возрастной когорты. Все эти нарративы хранятся в Биографическом фонде и написаны в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Методика исследования была основана на одном из вариантов нарративного анализа⁵ с включением некоторых техник «обоснованной теории». Процедурами открытого и осевого кодирования анализировалось семантическое поле характеристик, которыми женщины этих когорт описывали опыт семейной жизни и опыт гендерных отношений в целом⁶. Затем определялись смысловые лексические конструкции, которые образуются при анализе отношений между рассказом женщины о сюжетах и практиках ее семейной жизни (отношения с родителями, брачные стратегии, решения о рождении детей, воспитательные практики, семейные конфликты и т. п.) и высказываемыми ею оценочными суждениями по поводу этих сюжетов и практик. На основе анализа и сравнения этих лексических конструкций, характеризующих опыт семейной жизни и гендерных отношений женщин каждой поколенческой когорты, были построены матрицы, включавшие следующие темы-концепты:

- 1 — характеристики родительской семьи (история семьи, включая описание или упоминание бабушек, дедушек, родственников, отношений с ними и их влияния на жизненный путь автора нарратива);
- 2 — характеристики родительства в собственной семье автора нарратива (дети, внуки, воспитательные практики);
- 3 — характеристики соотношения ценностей семьи и работы;
- 4 — характеристики сетевых взаимодействий (друзья, коллеги по работе, соседи, круг общения).

Затем эти матрицы анализировались по содержанию каждой темы-концепта, их наполнению смысловыми лексическими конструкциями, а также семантической связи между ними в рамках общего социально-культурного контекста времени создания автобиографического нарратива. На основе аналитического сравнения матриц, построенных для женщин каждой поколенческой когорты, были сконструированы четыре типичных сценария их поведения и ценностно-нормативных ориентаций в сфере семейных и гендерных

⁵ Нарративный (семантический) анализ — считается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа. В целом нарративный анализ представляет собой совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации и фокусу исследовательского интереса. О различных вариантах нарративного анализа (Троцук 2006).

⁶ Надо подчеркнуть, что опыт семейной жизни сегодня имеет разные формы и не всегда предполагает наличие собственной (традиционной) семьи автора нарратива, как в прошлом, так и на момент его написания. В этой связи в исследовании использовалось более емкое понятие — опыт семейных и гендерных отношений.

отношений. Два сценария описывают поведение и ценностные ориентации женщин старшей возрастной когорты и два — молодых женщин. Категориально каждый семейный сценарий определялся как структура и (иерархия) затронутых в нарративах тем-концептов и характеризовавших их смысловых лексических конструкций⁷.

Первый сценарий семейной жизни женщин старшей когорты — «Семья как традиция и долг»

Эмоциональная и мотивационная окраска этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты базируется на общинном стиле жизни, унаследованном от российского крестьянства, а также на трудовой этике долга перед обществом советского времени. Семейные отношения и опыт семейной жизни женщины представлены в этом сценарии во многом как традиционно-патриархатные, хотя и с разными акцентами и противоречиями, обусловленными как идеологией советского времени, так и радикальными социальными изменениями постсоветского времени.

Одной из определяющих характеристик этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты является довольно подробное описание детства в родительской семье, истории родительской семьи (в которой, как правило, присутствуют дедушки, бабушки и другие родственники), воспитательных родительских практик и их влияния на последующую жизнь женщины. Часто женщины этой когорты пишут также о своем крестьянском происхождении, особо подчеркивая честность и трудолюбие родителей в преодолении ими тягот жизни, которое ярко выражено в одном из нарративов следующей фразой: *«Родители — труженики до мозга костей, честные, добрые люди»* (Ж., 69 лет).

«Я родилась и выросла в крестьянской семье в поселке Вырица Ленинградской области. Мои предки пра-прадед и пра-прабабушка были основателями Вырицы... Закончили мои родители Церковно-приходскую школу в Вырице, отец после революции продолжал самостоятельное образование и почти до самой Отечественной

⁷ Подчеркнем, что сконструированные на основе анализа автобиографических нарративов женщин сценарии их семейной жизни представляют собой своего рода «идеал-типические» сценарии. Это значит, что каждый из этих сценариев отражает типичные характеристики, которыми женщины той или иной когорты характеризуют опыт своей семейной жизни. Но при этом структура и иерархия этих характеристик по их значимости целиком редко представлена в конкретном автобиографическом нарративе.

войны работал председателем колхоза. Мама была домохозяйкой, занималась воспитанием детей, а нас у родителей было 5 человек» (Ж., 69 лет).

Изложение биографии с обязательным описанием истории семьи и семейных корней в этом сценарии женщин старшей когорты говорит не только об их приверженности традиционным семейным ценностям, таким как преемственность и верность родительским традициям. Описание истории семьи, часто с включением таких табуированных в советское время тем, как национальная идентичность и религиозные верования, говорит также о возродившемся в постсоветское время интересе людей к истории их семей, к семейным корням и традициям и, тем самым, о расширении и легализации пространства частной (в том числе и семейной) жизни человека.

«Родилась я с Богом в душе, но наставников не было, мама держала иконки семейные, намоленные, в шкафу, в чистом полотенце завернутые, никогда со мной о Боге не говорила, молитвам не учила. Она и сама до переворота не успела получить знания, но с верой прожили все годы. Молилась втихомолку, боялась нашего общего господетрия и отца — атеиста. Наверное, это было правильно. А то ходят сейчас барышни, нательный крест демонстрируя на свитере, словно это “феничка” какая-то» (Ж., 59 лет).

«Все начинается с корней. Родители мои, слава богу, живы и сейчас, — люди очень разные во всем. Прошли они честную и в общем-то благополучную жизнь. Но мне от их непохожести часто было неуютно. Отец — еврей из трудовой многодетной семьи. Мама — дочь русского священника. Вследствие этого ни евреи, ни русские не считали и не считают меня своей. А я русская по воспитанию и вере, но с еврейским лицом. Сами понимаете... радость» (Ж., 57 лет).

Следующей важной характеристикой этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты и свидетельством традиционности их представлений о семье и семейных отношениях можно назвать устойчивость детоцентристского типа семьи, в которой наличие детей в семье выступает центральным образующим семью фактором (Голод 2003: 118). Для женщин этой когорты наличие в семье детей часто оказывается обязательным и необходимым условием ее сохранения, а также удержания в семье мужа. Причем даже в тех случаях, когда приходится прибегать к обману.

«Мне было уже 23,5 лет. И я решила оставить ребенка, так как это счастливый случай спасти семью. В противном случае — наоборот — остаться без мужа, но с ребенком. В то время еще считалось, что

рожать без мужа не очень приятно, какой-то стыд. Своему мужу я сказала, что ребенок от него» (Ж., 45 лет, среднее образование).

Однако детоцентристский тип семьи и, что важно, соответствующие этому типу семьи традиционные представления женщин старшей когорты о семье, браке и родительстве находятся в противоречии с еще одной значимой характеристикой этого сценария семейной жизни женщины. Роль мужчины и мужа как партнера в браке почти не упоминается в их нарративах и явно отступает на второй план. О мужьях женщины этой когорты, как правило, рассказывают в двух случаях. Когда речь идет о ранних этапах семейной жизни (заключении брака и романтической любви) или при неудачно сложившейся семейной жизни, когда речь идет о разводе с мужем, смерти мужа или алкоголизме мужа. И в целом, удельный вес описания собственной семейной жизни женщины в этом сценарии очень мал и нередко ограничивается такими фразами: *«вышла замуж за бывшего партизана» (Ж., 69 лет).*

«С мужем мы несколько раз сходились, расходились, я сделала много попыток сохранить семью, но ничего не получилось. Я решила посвятить всю жизнь дочери, она для меня стала единственной радостью и надеждой. Я уделяла дочери все свободное от работы время. По выходным мы всегда ездили за город или на каток в наш ледовый заводской дворец. По возможности занимались спортом» (Ж., 52 года).

«В 1992 г. пришлось уволиться по собственному желанию из-за задержки зарплаты. Нужны были деньги, ведь на иждивении у меня трое детей. На мужа надежды не было, очень пил и в 1994-м умер» (Ж., 50 лет).

Важно подчеркнуть, что социально-культурный контекст этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты нередко выглядит как стратегия преодоления трудностей жизни и выживания в трудных условиях, вызванных войной, эвакуацией, бедностью, неустроенностью или отсутствием нормального жилья, пьянством мужей и другими коллизиями как личной, так и социальной жизни. Таким образом, в этом сценарии семейная жизнь женщин предстает отражением целого ряда коллизий и конфликтов, определяющим мотивом которой оказываются традиционные ценности, «сохранение семьи» и «служение семье», даже при всей сложности и неоднозначности ее реалий.

Второй сценарий семейной жизни женщин старшей когорты — «Семья и работа как самоочевидные ценности»

Этот сценарий семейной жизни женщин старшей когорты базируется на двух *самоочевидных* для них ценностях — семейных ценностях в их традиционно-патриархатном виде и ценностях профессиональной занятости в трудовой сфере. Важно подчеркнуть, что эти ценности предстают взаимосвязанными и неконфликтными и органично сосуществуют в этом сценарии семейной жизни женщины. Соответственно, женщина наряду с профессиональной занятостью и, в ряде случаев, активной общественной деятельностью, сохраняет (и даже утверждает) свою традиционную роль *хранительницы очага*, считая своим долгом *беречь* семью, совмещать все *обязанности женщины* по организации семейного быта и воспитанию детей, а также *«спасать»* мужей.

Во многом этот сценарий можно назвать наследием не только традиционной культуры, но и гендерной идеологии советского времени. Советское законодательство, провозгласив равенство женщин и включение их в профессиональную деятельность, сохранило в бытовой сфере патриархатную модель жизни, предполагавшую сочетание полной занятости женщины с ролями матери и домохозяйки. И советские женщины приняли эту «тройную нагрузку» как *естественный* порядок вещей и даже гордились своей способностью все «успевать» и «крутиться» (Ашвин 2000: 65).

«Вообще я была довольно деятельная и активная. Все вроде бы было хорошо, но тут пришла беда — муж начал пить. Мои уговоры, просьбы, скандалы ни к чему не приводили, оказалось и то, что отец у него был алкоголиком. Билась я за него как могла. Не знаю, почему я его не бросила, любви к нему никакой уже и не было, оставалось чувство долга и ответственности за человека, с которым связала меня судьба» (Ж., 53 года, главный инженер).

«В настоящее время я уже пенсионерка. Единственная дочь к моему уходу на пенсию подарила мне внучку. В основном мне приходится заниматься воспитанием внучки, и я совмещаю все обязанности женщины (магазины, очереди, приготовление пищи, уборки, стирки и пр.)» (Ж., 60 лет).

Следующая характеристика этого семейного сценария женщин старшей когорты тесно связана с первой характеристикой. Это значимость поддерживаемых на протяжении всего жизненного пути женщины отношений с коллегами по работе, описание общения с которыми занимает центральное место в их сетевых взаимодействиях, нередко

превалируя над родственными отношениями. Значимость этой характеристики жизненного опыта и мировосприятия старших советских поколений объясняется тем, что общинная модель жизнеустройства российского общества была переведена советской идеологией в термины коллективизма, когда трудовой коллектив и отношения с коллегами по работе стали не менее значимыми, чем отношения с родственниками (Козлова 1999).

«В 1967 г. меня наградили медалью “За трудовое отличие” (такая же медаль была у моей мамы). Не знаю, почему выбрали именно меня, хороших специалистов у нас было много. Почти весь наш отдел, а он доходил до 50 человек в лучшие годы, состоял, включая начальника, из выпускников нашего института. Это очень нас сближало и создавало особую дружескую атмосферу» (Ж., 62 года).

«Мне дали II группу инвалидности без права работы. Это повергло меня в страшное горе — мне только 30 лет! Врачи говорили, что это временно. Отношения на работе были всегда хорошими, директор оставил меня под свою ответственность. Во время болезни мне очень помогли мои друзья, на работе у меня было несколько близких подруг и очень много друзей» (Ж., 61 год).

Отношения с коллегами по работе остаются важными для женщин этой когорты, даже когда они уходят на пенсию. *«Работа мне нравилась, коллектив нашего отдела был хороший, дружный. Провожали меня на пенсию очень трогательно, и связь с товарищами по работе не прерывается до сих пор»* (Ж., 63 года).

И, наконец, еще одна значимая характеристика этого семейного сценария женщин старшей когорты. Даже при материальной неустроенности собственной семейной жизни свои родственные и внутрисемейные отношения, а также отношения друзьями и коллегами по работе они строят на утверждении приоритета ценностей культуры и *«духовной стороны жизни»* над ценностями материальными. Это посещение театров, музеев, концертов, путешествия по стране с описанием достопримечательностей и природы посещаемых мест, коллекционирование разного рода вещей и т.п.⁸ *«Почти все, о чем я мечтала, — сбывалось. Правда, у нас нет ни дачи, ни машины, так мы к этому не стремились. Зато за свою жизнь я много где бывала и много видела. Хожу*

⁸ Этот своеобразный идеализм в автобиографических нарративах женщин старшей когорты объясняется влиянием просветительской советской культуры, российских «волн Просвещения» (Козлова 1993), а не результатом экономических процессов, приводящих к сдвигу приоритета от материалистических ценностей к ценностям постматериальным (Инглхарт 1997).

в театры, музеи, концерты. Ездил отдыхать по туристическим путевкам. Такой отдых очень обогащает наш кругозор» (Ж., 62 года).

«Жаль, конечно, что мы не можем купить себе кое-что из мебели или ТВ цветной, ну разве в этом ценность жизни! Каждый день семья решает какие-то мелкие проблемы, каждый день делаем новый шагок вперед, каждый из нас совершает свой маленький “подвиг”» (Ж., 53 года).

Итак, в этом сценарии семейной жизни женщин старшей когорты очевидно не только устойчивость традиционных семейных ценностей, которую мы видели и в первом сценарии женщин этой когорты. Очевидно и то, что здесь женщины считают *естественным* и должным соче тать традиционные семейные ценности с эгалитарными установками советской модернизации на независимость и активно-достижительные стратегии женщины в трудовой сфере. При этом ценностную основу этого сочетания «семьи и работы» определяет сохраняющееся влияние культурной модели советского времени, утверждавшей приоритет ценностей высокой культуры и духовности над ценностями материальными.

Важно подчеркнуть также, что оба сценария семейной жизни женщин старшей когорты свидетельствуют о своего рода идеологической нагруженности высказываемых ими ценностных суждений о семье, браке и родительстве, которая унаследована ими от общего стиля советской эпохи — множества табу на проявление гендерной самоидентификации женщин. По всей видимости, именно поэтому личностные проявления семейной жизни женщин этой когорты и их гендерная самоидентификация часто выстраиваются в рамках традиционных отношений и проявляются как жертвенность ради сохранения семьи и ориентация на детоцентристский тип семьи и при отсутствии партнерских отношений в семьях. Причем это выглядит привычной для женщин этой когорты нормой и не вызывает с их стороны протеста, даже когда им приходится поступаться личными интересами.

Первый сценарий семейной жизни молодых женщин — *традиционно-романтический*

В постсоветское время, когда рыночные реформы потребовали изменений в сторону прагматичного отношения к жизни, в сценариях семейной жизни молодых женщин, формативный период жизни которых приходится на это время, крен в эту сторону достаточно очевиден. Тем не менее одни из них выглядят больше традиционалистами

и романтиками, другие — больше прагматиками. В этом ценностном диапазоне мы и анализировали характеристики конструирования молодыми женщинами сценариев их семейной жизни.

Структуру первого, *традиционно-романтического*, сценария семейной жизни молодых женщин определяет замужество и семья, основанные на романтической любви. В то же время ориентации на романтическую любовь как основу брака имеют в этом сценарии вполне традиционно-патриархатную окраску, с традиционной ролью *мужа-кормильца*, который ограждает от всех забот и берет на себя решение всех проблем семейной жизни.

«Я верила в любовь, и эта вера со временем подарила мне счастье быть любимой и любить... Спустия некоторое время я познакомилась с ним. С тем, кто был послан мне Богом. Я очень его люблю, люблю так, что жизнь без него не имела бы смысла. Мой любимый ограждал меня от всех забот, дал материальное обеспечение. Он такой сильный, умный, заботливый, что рядом с ним кажется, что нет никаких проблем, все будет хорошо» (Ж., 23 года).

«Почему у меня получается только про жизнь, ведь в ту пору уже вовсю шли перемены. Люди не только становились нищими, но и наживали капиталы. А я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу: “не в деньгах счастье” и даже про рай в шалаше» (Ж., 27 лет).

В характеристики этого сценария семейной жизни молодых женщин входит и ожидание любви со стороны *«принца»*, который когда-то появится в их жизни. Но при этом о своей любви они не говорят. *«В своей жизни я хочу встретить человека, который бы сильно любил меня, чтобы я была для него всем и вся»* (Ж., 20 лет).

Еще одна характеристика этого сценария молодых женщин — разочарование в установках на сочетание романтической любви с традиционно-патриархатными ориентациями в семейных отношениях. *«Я поняла, что не “за — мужем”, что я одна. Было больно и страшно. Хотелось плакать, и так не хватало плеча, на которое можно опереться»* (Ж., 30 лет).

О традиционности ориентаций молодых женщин в этом сценарии свидетельствует и описываемое ими влияние родителей (как правило, матерей) на их семейную жизнь и жизненный путь в целом, например, при выборе вуза или принятии решений о замужестве и рождении детей. *«Я жила по маминой указке, узнав, что будет ребенок, я, прежде всего, подумала, что скажет мама»* (Ж., 22 года).

Традиционно-романтическую окраску этого сценария семейной жизни молодых женщин определяет также ценностный дискурс социальных взаимосвязей, унаследованных от стратегий и практик советского времени. Так, например, даже упоминаемая некоторыми из них *карьера* предстает как «*накатанные рельсы*», которые описываются ими как норма, как должное и не детализируются как результат их собственных устремлений и активности. «*После замужества все в моих планах должно было двигаться по накатанным рельсам: кончить институт, год проработать, потом родить ребенка и в декрет. А потом можно делать карьеру*» (Ж., 29 лет).

В целом достаточно очевидно, что ценностный дискурс этого сценария семейной жизни молодых женщин в основном остается в рамках тех же норм гендерной идеологии советского времени, которые характеризовали сценарии женщин старшей когорты. Тем не менее надо отметить и отличие этого сценария молодых женщин от сценариев женщин старшей когорты. Семейные и гендерные отношения при всей их традиционности представлены здесь как более значимые, чем ценности профессиональной занятости. Другими словами, в этом сценарии молодых женщин на первом месте оказывается мир частной жизни, мир семейных и гендерных отношений, хотя и в традиционно-романтической окраске.

Второй сценарий семейной жизни молодых женщин — прагматический

На смену традиционным представлениям о семье и гендерных отношениях в постсоветское время приходят прагматические ориентации современного, «*индивидуализированного*», общества, в котором каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, и это *не его выбор, а судьба, структурное принуждение* (Бауман 2002: 66).

Этот, *прагматический*, сценарий семейной жизни молодых женщин свидетельствует, что они в ряде случаев понимают установку современности на прагматизм и индивидуализм и представляют ценностный порядок постсоветского времени как необходимость «*жить в отсеке сегодняшнего дня*», т. е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не очень затрудняясь моральными оценками.

«Эпоха перемен мне видится, прежде всего, в том, что нарушен привычный сценарий жизни людей. Раньше было примерно так: ясли — сад — школа — институт — брак — накопления — дети. В общем,

планировать можно было на срок от 5 до 25 лет вперед. А сейчас, в период катаклизмов, нам рекомендуют “жить в отсеке сегодняшнего дня”. А люди-то полуграмотные. Они все понимают буквально: надо пропить деньги сегодня, а то завтра их не будет. Чтобы не работать, нужно найти богатого спонсора. Или забеременеть от кого попало и шантануть» (Ж., 25 лет).

Ценностные установки этого сценария семейной жизни молодых женщин на прагматизм и индивидуализм проявляются в целом ряде характеристик. Прежде всего, это очевидные изменения в нормах приватности/публичности. Они открыто, иногда даже цинично говорят о своих материальных интересах, что было немыслимо для поколения их родителей. Трудно, например, представить, чтобы советская девушка в возрасте двадцати с небольшим лет говорила о том, что *«нашла себе через газету немолодого друга с достатком»* и тем самым *«решила материальные проблемы»*, или же о том, что *«стыдно быть бедным»*.

При этом они не стесняются говорить не только о своих материальных интересах, но и об интимных переживаниях. *«Потом мы стали любовниками. Любила ли я его — не знаю. Он открыл для меня прелесть секса. Но мы должны были расстаться. Он сказал, что дома (на Украине) родители его женят. После него у меня были мужчины. Я пыталась любить по расчету. Меня могли содержать, платить деньги, но мне это было противно» (Ж., 23 года).*

Этот семейный сценарий молодых женщин подтверждает также, что наряду с официальным браком появляются разные формы сожительства и что родительство, супружество, любовные отношения и семья все больше отделяются друг от друга и становятся отдельными институтами (Захаров 2005; Чернова 2012). Причем ценностной основой этого разделения становится прагматизм.

«Моя близкая подруга тоже разошлась с мужем, тоже примерно такая картина семейной жизни, как и у меня. Она шьет, вяжет, стрижет, делает цветы декоративные, работает надомницей по чертежам. В общем, молодец! Живет с сыном 9-летним в общежитии семейного типа. Если у нее были мужчины, она находила им все применение: ремонт окна, утюга, магнитофона и т.д. С пустыми руками не приходили. Она понимала, найти хорошего мужа очень сложно, а любовника поить и кормить — глупо. Поэтому придерживалась, чтобы мужчина хоть чем-то был полезен» (Ж., 29 лет).

Необходимо отметить также, что в этом сценарии молодых женщин активно-достижительные ориентации советского типа,

предполагающие в той или иной мере последовательное движение по карьерной лестнице, у них приобретают вид зигзагообразной карьеры, также основанной на рациональных основаниях. Они более подвижны в социальной мобильности, чаще меняют род деятельности, чем их родители.

«Я реально оцениваю свои силы — без денег и связей поступить на “модный” факультет в государственном вузе мне, как я тогда полагала, не светило. Но я была уверена, что обязательно выучусь — ведь это был единственный шанс в будущем реализовать свои мечты об интересной и комфортной жизни» (Ж., 27 лет).

Важная характеристика этого сценария семейной жизни молодых женщин, что желание иметь детей не всегда связывается ими с созданием семьи и традиционным замужеством, и решения о рождении ребенка они могут принимать самостоятельно.

«Я решила рожать. Но рожать нужно было с умом. Я попросила у отца будущего ребенка разрешения. Мы были друг другу никто в смысле законно. Отягощать жизнь я никому не хотела. Но и оставаться без поддержки одна тоже не хотела. Мое к нему обращение за разрешением тогда было зовом о помощи, сейчас воспринимаю это как фарс. На работу вышла через год после рождения дочери и перестала нуждаться (как в спонсоре и как в мужчине) в ее отце, который часто жаловался, что ему трудно материально. Оплачиваю свои счета сама» (Ж., 25 лет).

При этом, даже родив ребенка, молодые женщины говорят о том, что они не собираются *«замыкаться только на семье и доме»* и считают необходимым продолжать учебу или работу. *«До рождения ребенка я вела очень активный образ жизни. Кроме учебы в техникуме я занималась большим теннисом, ходила на курсы английского языка. И теперь я очень хочу учиться. Желание получить настоящее юридическое образование меня не оставило»* (Ж., 23 года).

В этот сценарий семейной жизни молодых женщин входят и такие характеристики, как планирование и откладывание рождения ребенка до обретения ими самостоятельности в обеспечении материального благосостояния, а также необязательность традиционного замужества. Можно сказать, что традиционное родительство и детоцентризм женщин старшей когорты сменяется у них эмоциональной потребностью в детях (Чернова 2012: 104). Кроме того, как кажется, для них уже не стоит вопроса, что предпочтительней для самореализации женщины — удачное замужество или хорошая работа (Вовк 2006). И в целом они демонстрируют большую свободу и независимость в выборе партнеров

для совместной жизни, и роль мужа в этом сценарии семейной жизни молодых женщин предстает вероятностной.

«Хотелось бы и в 40–45 лет иметь рядом с собой приятного и надежного спутника, с которым будет не так трудно растить детей, который будет поддерживать в трудные и счастливые минуты жизни» (Ж., 27 лет).

Таким образом, этот сценарии семейной жизни молодых женщин не только свидетельствует об изменениях ценностных ориентаций в семейных и гендерных отношениях, но и по своим характеристикам наиболее приближен к одной из определяющих тенденций глобального процесса демографической и социокультурной модернизации — индивидуализации частной жизни современного человека (Демографическая модернизация России... 2006).

Заключение

Качественное исследование автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, на основе которого конструировались сценарии их семейной жизни, позволяет наметить некоторые тенденции, значимые для описания эволюции ценностных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений как движения от культуры традиционалистского типа к современной культуре с ее ценностями индивидуализма, прагматизма и личностного развития. Тем не менее, как показало исследование, это движение трудно назвать линейным.

Достаточно очевидно, что сценарии семейной жизни женщин старшей когорты подтверждают устойчивость патриархатной культуры и традиционных семейных ценностей⁹. Очевидно также противоречивое сочетание этих ценностей с эгалитарными установками советской модернизации и, в целом, пролонгированное влияние норм гендерной идеологии советского времени. Сценарии семейной жизни женщин более молодой когорты, жизнь которых складывалась в постсоветское время, уже дают основания говорить не только о преемственности традиционных семейных ценностей, но и об изменении ценностных ориентаций в этой сфере. Наиболее значимые изменения, усиление прагматизма и индивидуализма в семейных и гендерных отношениях

⁹ О том, что традиционные ценности преобладают в российском обществе, несмотря на воздействие идущих в стране за годы реформ преобразований, свидетельствуют результаты целого ряда исследований как этой сферы, так и социокультурной модернизации России в целом.

представлены в семейном сценарии молодых женщин, который в исследовании назван «*прагматическим*» сценарием. И эти изменения вполне вписываются в анализируемые исследователями тенденции, характерные для процессов демографической и социокультурной модернизации (Елисеева, Клецин 2010; Гурко 2011; Носкова 2015; Лежнина 2016; Цветаева 2018).

Еще раз подчеркнем, что выявленные на основе анализа автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт сценарии их семейной жизни являются своего рода «*идеал-типическими*» сценариями. Каждый из этих сценариев отражает типичные характеристики, которыми женщины той или иной когорты характеризуют свой опыт семейной жизни и ценностных ориентаций в этой сфере. Но связи между характеристиками каждого из этих сценариев носят более сложный характер, и в нарративах женщин обеих поколенческих когорт обнаруживаются скорее смешанные, чем чистые типы поведения.

Тем не менее выявление и анализ этих сценариев семейной жизни женщин позволяет проследить постепенную трансформацию характеристик семейного опыта и ценностных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений в поколенческом срезе, свидетельствуя в тоже время об инерционности социокультурных процессов, их зависимости от культурного наследия и социального контекста в целом. Таким образом, результаты проведенного исследования дают возможность расширить представление об эволюции ценностных ориентаций в этой сфере, показывая как универсальность происходящих изменений, их встроенность в глобальный процесс демографической и социокультурной модернизации, так и особенности этого процесса в российском контексте.

Источники

- Ашвин С.* Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Вовк Е.* Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3 С. 61–73.
- Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
- Голофаст В. Б.* Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4. С. 122–139.
- Готлиб А.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. 448 с.

Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26–42.

Демографическая модернизация России. 1990–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. Вып. 2. С. 127–146.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

Козлова Н. Волны российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 48–59.

Козлова Н. Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3. С. 120–134.

Козлова Н. Н. Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

Лежнина Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 70–90.

Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177–185.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом «Высшей школы экономики», 2012. 381 с.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. М.: INTER, 2002. Т. 1, № 1. С. 7–24.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, 1998. 289 с.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.

Троцук И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 207 с.

Цветашева Н. Н. От традиции к индивидуализации: автобиографические нарративы об изменениях в семейных и гендерных отношениях // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 186–203.

Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 103–122.

References

- Ashvin S. Vliyanie sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoe povedenie v sfere zanyatosti [Influence of the Soviet gender order on modern behavior in the sphere of employment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2000, no. 11, p. 63–72. (In Russian)
- Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos, 2002, 390 p.
- Chernova Zh. V. Semeynaya politika v zapadnoevropeyskikh stranah: modeli otstvstva [Family policy in Western European countries: models of paternity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2012, vol. 15, no. 1, p. 103–122. (In Russian)
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1990–2000* [Demographic modernization of Russia. 1990–2000]. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2006. 608 p.
- Eliseeva I. I., Kletsin A. A. Gorodskaya sem'ya: sovremennye tendentsii [Urban family: current trends]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 2010, iss. 2, p. 127–146. (In Russian)
- Golod S. I. Sotsiologo-demograficheskiy analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2008, no. 1, p. 40–49. (In Russian)
- Golofast V. B. Veter peremen v sotsiologii [Wind of changes in sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2000, vol. III, no. 4, p. 122–139. (In Russian)
- Gotlib A. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara, Univers-grupp, 2004. 448 p. (In Russian)
- Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshchestvakh [Family institute in post-industrial societies]. *Tsenosti i smysly* [Values and meanings], 2011, no. 4 (13), p. 26–42. (In Russian)
- Inglhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing values and changing societies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 1997, no. 4, p. 6–32. (In Russian)
- Kozlova N. Volny rossiyского prosveshcheniya, ili Zachem lyudi igrayut v slova [Waves of Russian enlightenment, or why people play words]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 1993, no. 6, p. 48–59. (In Russian)
- Kozlova N. N. Stseny iz chastnoy zhizni perioda «zastoya»: semeynaya perepiska [Scenes from the private life of the «stagnation» period: family correspondence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 1999, vol. II, no. 3, p. 120–134. (In Russian)
- Kozlova H. H. Metodologiya analiza “chelovecheskih dokumentov” [Methodology of the analysis of “human documents”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2004, no. 1, p. 14–26. (In Russian)
- Lezhnina Yu. P. Institut sem'i v Rossii: na puti transformatsii [The Institute of the family in Russia: on the transformation path]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2016, no. 2, p. 70–90. (In Russian)
- Noskova A. V. Novye metodologicheskie podhody, issledovatel'skie fokusy, diskussionnye problemy sotsiologii sem'i [New methodological approaches, research focus, debatable problems of family sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 10, p. 177–185. (In Russian)

Rozhdstvenskaya E. Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [*Biographical method in sociology*]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 381 p. (In Russian)

Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiyam v sotsial'nykh naukah [Reflections on the turn to biographies in the social sciences]. *Interaktsiya, interv'yu, interpretatsiya* [*Interaction, interviews, interpretation*], Moscow, INTER, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 7–24. (In Russian)

Semenova V. V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu. Ucheb. posobie* [*Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology. A textbook*]. Moscow, Dobrosvet, 1998. 289 p. (In Russian)

Semenova V. V. *Sotsial'naya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'* [*The social dynamics of generations: the problem and reality*]. Moscow, ROSSPEN, 2009. 271 p. (In Russian)

Trotsuk I. V. *Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii* [*Theory and practice of narrative analysis in sociology*]. Moscow, RUDN University, 2006, 207 p. (In Russian)

Tsvetaeva N. N. Ot traditsii k individualizatsii: avtobiograficheskie narrativy ob izmeneniyakh v semeynykh i gendernykh otnosheniyakh [From tradition to individualization: autobiographical narratives about changes in family and gender relations]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [*Petersburg sociology today*], 2018, iss. 10, p. 186–203. (In Russian)

Vovk E. Gendernaya asimmetriya i zhenskie roli v sovremennoy Rossii [Gender asymmetry and female roles in modern Russia]. *Sotsial'naya real'nost'* [*Social reality*], 2006, no. 3, p. 61–73. (In Russian)

Zakharov S. Perspektivy rozhdyaemosti v Rossii: vtoroy demograficheskiy perekhod [Prospects for fertility in Russia: the second demographic transition]. *Otechestvennye zapiski* [*Domestic notes*], 2005, no. 3 (24), p. 124–140. (In Russian)

Цветевава Нина Николаевна, научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Tsvetaeva Nina Nikolaevna, Researcher,
Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences.
tsvetni12@mail.ru